

16. XVIII Красноярская краевая партийная конференция // ГАКК. Ф. П-26. Оп. 8. Д. 1. Л. 430-431.
17. XIX Красноярская краевая партийная конференция // ГАКК. Ф. П-26. Оп. 8. Д. 513. Л. 217-225.
18. Заседание бюро Иркутского ОК КПСС от 28.01.1967 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 80. Д. 10. Л. 5.
19. Навстречу выборам XXIV областной партконференции [Редакционная] // Вост-Сиб. правда. 1988. 17 дек.

ГОЛЯТО И. В.

УСЛОВИЯ ТРУДА РАБОЧИХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ДВУХ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (1928–1937 гг.)

Рассматривая повседневную жизнь советского рабочего класса в годы двух первых пятилетних планов, важно понимать, что немалую часть своей жизни рабочий проводил на производстве. В силу этого обстоятельства нам необходимо осветить условия труда рабочих Восточной Сибири в годы двух первых пятилеток. Необходимо также учитывать тот факт, что в стране шла ускоренная индустриализация. Это приводило к тому, что часто условиями труда рабочих не уделялось должного внимания, в то время как они являлись совершенно неудовлетворительными. Это объяснялось слабой технической базой предприятий, а также низкой квалификацией рабочих – бывших крестьян. Кроме того, нередко пассивность руководства предприятий в отношении вопросов обучения рабочих (особенно вновь принятых на производство) и ознакомления их с техникой безопасности приводила к росту несчастных случаев.

Например, по вине администрации Черембасса количество несчастных случаев за 1927–1928 гг. составило 826 фактов, а за период 1928–1929 гг. эта цифра повысилась до 958 фактов, т. е. ситуация усугублялась. С 1 по 20 февраля 1930 г. только по одному литейному цеху мехзавода Черембасса было зафиксировано 44 несчастных случая¹. На данном примере можно увидеть, что практически каждый рабочий день происходило по два и более несчастных случая.

Сами условия работы в шахтах Черембасса уже создавали угрозу здоровью и жизни рабочего. Например, откаточные штреки делались шириной всего в 3 метра. Однажды это привело к тому,

что откатчик не сумел отвернуться от вагонетки, и она раздавила рабочему грудь. В бессознательном состоянии пострадавший был отправлен в больницу².

За апрель–июль 1929 г. на шахте «Октябрина» было отмечено 60 несчастных случаев, на шахте № 5 – 49 несчастных случаев, причем 90 % из них произошли из-за плохого крепления забоев и употребления недоброкачественного крепежного леса.

Так, например, в шахте № 7 забойщики трех артелей очень часто угорали от динамитного газа ввиду неисправности вентиляции. По распоряжению заведующего шахтой были проведены трубы от компрессора паровых молотков. Но проведенные трубы до места работы не доходили. Круговращения не получалось, и поэтому весь газ по-прежнему оставался долгое время в забое³.

9, 10 и 14 апреля 1930 г. 4 артели шахты № 7 по 2 часа рабочего дня не дорабатывали ввиду высокой концентрации угарного газа в шахте. В эти дни двух угоревших рабочих уносили из шахты на носилках. Несмотря на это администрация никаких мер к улучшению вентиляции не приняла.

С 15 марта 1930 г. норма динамита для подрывных работ была сокращена. Если раньше полагалось на вруб давать от четырех до шести патронов, то с 15 марта стали давать по 2–3 патрона.

Ввиду сокращения нормы выдачи динамита норма выработки – 4 тонны за 6 часов – забойщиками стала не выполняться, что отразилось на их заработной плате, выражая недовольство рабочих.

Такая позиция администрации Черембасса приводила к несчастным случаям, нередко со смертельным исходом. Безобразное отношение отдельных технических работников к технике безопасности, отсутствие понятия о ней у вновь принимаемых молодых рабочих, недоброкачественный крепежный лес, бикфордовы шнуры и многое другое ежедневно вызывали на производстве несчастные случаи.

Администрация и профсоюз нашли наиболее «ценным» методом борьбы с несчастными случаями – «страхование жизни рабочих». Вместо абсолютно добровольного налога проводилось полупринудительное страхование жизни. Страхование проводилось на собраниях, где «волею собрания» рабочим предлагали страховать свою жизнь. Это вызывало недовольство шахтеров.

Среди рабочих фабрики «Сибфарфор» в летнее время наблюдался массовый уход рабочих с производства с целью поездки на золотые прииски. Рабочие объясняли свой уход низкой зарплатой.

Профсоюзы не удовлетворяли и не защищали интересы рабочих. Окружные отделы вопросами живого руководства и инструктажа месткомов не занимались. К примеру, на Иркутском лесозаводе были выборы завкома. На собрание рабочих явилось меньше половины, человек 80. Невнимательность рабочих к выборам объяснялась слабой подготовленностью со стороны партийной ячейки и завкома.

Таким образом, профсоюзы практически не защищали экономические интересы трудящихся, и в целом их работа вызывала недовольство рабочих.

Хроническое состояние ненормальных условий труда, стабильность аварий и несчастных случаев и равнодушие к недовольству рабочих со стороны профессиональных и партийных организаций вызывали среди шахтеров определенное закрепляющееся мнение, сводящееся к тому, что «на рабочего смотрят хуже, чем на бессловесное животное»⁴. Многие рабочие считали единственным выходом из создавшегося положения уход с производства.

Действительно, ежемесячно по Черембассу уходили с производства десятки квалифицированных рабочих, а это ставило под угрозу полного срыва выполнение плана добычи угля⁵.

Отдельно стоял вопрос о выдаче спецодежды для рабочих. Бывало и так, что не выдавали ни летней, ни зимней спецодежды. И если в теплое время года это могло быть и неактуально, то зимой, при сибирских холодах, теплая спецодежда была попросту необходима рабочему. Между тем самому рабочему теплую одежду было приобрести крайне затруднительно, ввиду очень скромной зарплаты (30–40 руб.)⁶. Вновь поступившим рабочим-откатчикам также не выдавалась спецодежда. В результате, работая без рукавиц с кусками угля, откатчики травмировали себе руки. Между тем, работая в таких ненормальных условиях, откатчики получали весьма низкую зарплату. Приблизительно, на 1 день у них приходилось по 1,5 руб.⁷

В 1930 г. работа Иркутской спичечной фабрики «Байкал» находилась под угрозой срыва. Отсутствие квалифицированной рабочей силы (большинство которой уволилось с фабрики) и недостаток действующих машин сильно отразился на работе оставшихся рабочих, которым в связи с этим нередко приходилось работать по 16 часов. То есть, по сути, на фабрике был введен двойной рабочий день⁸.

На Черембассе 20 февраля 1937 г. партийный комитет шахты им. Кирова обсуждал письмо бригадиров и статью об авариях на шахте, опубликованную в газете «Восточно-Сибирская правда». В итоге партком признал, что вопрос о борьбе с аварийностью поставлен правильно и своевременно.

Действительно, в начале 1937 г. аварии на шахте значительно возросли. Партийный комитет шахты причину видел в том, что парторганизация, хозяйственное, техническое руководство, профорганизация и комсомол проявляли полнейшую бездеятельность в вопросе борьбы с авариями. Практика борьбы с авариями на шахте свелась просто к регистрации самих фактов аварий. Виновные, как правило, не выяснялись и не наказывались. Партком обязал шахтоуправление в кратчайший срок проверить всех людей, работающих на механизмах с точки зрения их технической подготовленности. Дело в том, что среднетехнический персонал шахты, особенно десятники, как правило, механизмов не знали. Партком предложил шахтоуправлению немедленно организовать учебу горного надзора. В этот период аварии на Черембассе резко участились и выросли настолько, что они стали главной причиной срыва угледобычи. В течение января 1937 г. было зарегистрировано 125 аварий, в среднем по 5 аварий в день⁹.

На Жилкинской нефтебазе (г. Иркутск) руководство, по существу, отменило установленный законом 7-часовой рабочий день, и заставляло рабочих работать по 9 и 10 часов. Оплату же производили из расчета 7 часов.

Правительственное постановление о пересмотре норм выработки руководство нефтебазы поняло по-своему. Кабинетным порядком, без участия масс они ввели новые нормы с 1 мая 1937 г. По этим нормам выработки были увеличены до 100 %, а расценки снижены до 50 %.

Таким образом, рядом находились две нефтебазы: Иркутская и Жилкинская. Работа у них была одинакова, но расценки у двух баз были совершенно разные.

Задолженность по зарплате в Восточной Сибири имела место по многим предприятиям, особенно в системе Наркомпрома, Наркомлеса и железнодорожного транспорта. В большинстве случаев задолженность являлась результатом преступно-невнимательного отношения руководителей предприятий к финансовому хозяйству. Задолженность накапливалась не потому, что не было денег, а

потому, что деньги расходовались не по назначению руководителями предприятий. Об этом говорит ряд дел, расследованных краевой прокуратурой. Директор Улетовского леспромхоза Татманин, получая деньги на заработную плату рабочим, большую часть из них расходовал не по назначению и допустил задолженность зарплаты рабочим в течение трех месяцев в сумме 300 тыс. руб. Производственная программа леспромхоза была сорвана. Татманин был привлечен к уголовной ответственности и в 1934 г. был приговорен краевым судом к шести годам лишения свободы.

Директор Хайтинской фарфоровой фабрики Семенов систематически (с июля по декабрь 1934 г.) накапливал задолженность по заработной плате. Он ввел такую систему расчета: выдавал рабочим в счет зарплаты 3–5 руб. Так, за июнь-месяц каждому рабочему пришлось получить зарплату 9 раз, за июль – 15 раз, за август – 9, за сентябрь – 7. К январю 1935 г. Семенов довел задолженность до 125 926 руб. Семенов был привлечен к уголовной ответственности и в январе 1935 г. был осужден народным судом к шести месяцам исправительно-трудовых работ.

Некоторые хозяйственники задерживали в своих ведомственных кассах денежную наличность, не сдавая ее в Государственный банк. Начальник финансового отдела металлургического завода имени Куйбышева Антонович систематически допускал в кассе завода остатки наличных денежных средств до 380 тыс. руб., израсходовав из них 193 800 руб. на административно-хозяйственные цели. Антонович был привлечен к уголовной ответственности и осужден к полутора годам лишения свободы.

Бухгалтер Зиминского лесозавода Беспалов мошенническим путем получал денежные средства из банка. Он составлял реестр на получение денег под товары в пути. Беспалову удалось получить 39 994 руб., за что он и был привлечен к уголовной ответственности.

В течение января–февраля 1935 г. краевая прокуратура привлекла 26 должностных лиц к уголовной ответственности за задержку выплаты заработной платы рабочим и служащим, за расходование денежных средств не по назначению и за задержку денежных знаков в своих ведомственных кассах.

Краевая прокуратура дала указание районным и городским прокурорам усилить работу по борьбе с задолженностью по заработной плате и одновременно обязала прокуроров районов два

раза в месяц докладывать прокурору края о проделанной работе в этой области¹⁰.

Были случаи, когда зарплата рабочему не учитывалась полностью. Аналогичных фактов отмечено было до 20. В знак протеста пять рабочих токарного цеха уволились и ушли на другое производство.

Справедливые требования рабочих выяснить обсчеты ни к чему не привели¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что рост производственного травматизма, аварийность, задержка зарплаты и нарушение рабочего законодательства в целом вели к росту текучести рабочих кадров.

Основными причинами этого явления считались: недостаток рабочей силы, что создавало благоприятные условия для частой смены места работы, непринятие со стороны хозяйственных организаций мер к закреплению рабочих на предприятиях, неблагоприятные бытовые условия и плохая постановка дела рабочего снабжения¹².

Одной из основных причин утечки рабочих с Черембасса была скверная постановка рабочего общественного питания. В мае 1930 г. эта проблема была устранена путем открытия при шахтах столовых и чайных, где рабочие имели возможность получить дешевый обед.

Однако процент утечки рабочих не уменьшился. Главная причина этого явления заключалась, прежде всего, в высокой аварийности на производстве. Сам по себе этот факт уже нервировал рабочих, но это еще и понижало выработку, приводя к снижению зарплаты. Одновременно с этим по шахтам не было установлено твердых норм для забойщиков и откатчиков, а администрация шахты «Октябрина» самовольно понизила зарплату откатчикам. Откатчики стали получать по 30 руб., а забойщики по 60–70 руб. Рабочие стали жаловаться, что зарплата очень низкая, и что ее еле хватает на еду. С одной из шахт из-за этого уволилось 100 человек¹³.

Игнорирование администрацией запросов и нужд рабочих, их пожеланий и предложений стимулировали утечку рабочей силы, в т. ч. квалифицированной. Это явление крайне отрицательно влияло на ход работы шахт. Ведь рабочих на Черембассе, в связи с увеличением программы добычи угля, было недостаточно (забойщиков, откатчиков и др.). Количество рабочих на 1 февраля по Черембасстресту равнялось 2 600 чел., из них 900 чел. были за-

бойщиками. Между тем в это же время Черембасстресту требовалось 3 500 рабочих и из них 1 300 забойщиков. Но рабочие продолжали увольняться.

Подобная текучесть кадров ставила под угрозу выполнение плана угледобычи и требовала от администрации каких-то мер по закреплению рабочей силы на производстве.

Увеличение программы добычи угля по Черембассу выдвинуло перед администрацией и профорганами важную задачу – пополнение рабочей силы в количественном и качественном отношении, а также ее закрепление на производстве. Для выполнения этой задачи Рудоуправлением была введена практика контрактации квалифицированных рабочих на срок от одного года до двух лет. Для рабочего-контрактанта был предусмотрен ряд преимуществ (выдача авансов, дополнительных продуктов и т. д.).

Однако данное мероприятие не сопровождалось широкой массово-разъяснительной работой и поэтому привело к недовольству части рабочих, которые отнеслись к контрактации как к закабалению. Они считали, что можно было бы хорошо и долго работать и без какой-либо контрактации, если рабочим обеспечат нормальные условия труда и нормальное питание¹⁴.

На усольском кожзаводе не соблюдались экономические права рабочих. Отмечались факты прямого диктаторства администрации. Предложения рабочих игнорировались, рабочих безответственно перебрасывали с одного места на другое без всякого желания перебрасываемого и учета целесообразности этой переброски.

Рабочие отвечали на это увольнениями. Причем уходили с работы не только молодые, но и старые, сжившиеся с заводом рабочие. Зарплата не удовлетворяла квалифицированных рабочих, и последние составляли подавляющее большинство в числе уходящих с завода. С 15 по 30 февраля 1930 г. с кожзавода в Иркутске уволилось 9 человек. За март уход рабочих с Кожзавода, преимущественно квалифицированной части, составил 42 человека. Рабочие объясняли свой уход непосильными нормами выработки и низкой зарплатой, а также диктатом со стороны мастеров и администрации, которые зачастую сводили свои личные счета с отдельными рабочими¹⁵.

Зачастую условия работы были весьма тяжелыми. Наблюдался очень частый травматизм рабочих. Администрация предприятий нередко самовольно увеличивала рабочий день, повышала нормы

выработки, что шло вразрез с законодательством. Встречались случаи задержки заработной платы на несколько месяцев. Иногда зарплата выдавалась неполностью из-за некомпетентности работников бухгалтерии.

Встречалось и использование руководителями некоторых предприятий труда подростков. При этом труд этот не оплачивался в должной мере.

Нарушения прав рабочих и плохие условия труда приводили к высокой текучести рабочих кадров. По сути, это была пассивная форма борьбы рабочих за свои права.

Примечания

1. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1373. Л. 65.
2. Там же.
3. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1373. Л. 44.
4. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1374. Л. 27.
5. Там же.
6. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1373. Л. 43.
7. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1373. Л. 68–69.
8. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1373. Л. 85.
9. Вост.-Сиб. правда. 1937. 17 февр.
10. Вост.-Сиб. правда. 1935. 12 марта.
11. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1374. Л. 33.
12. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 177. Л. 43.
13. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1374. Л. 54.
14. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1373. Л. 63.
15. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1373. Л. 77–79.

ГРАЧЁВ Р. О.

ПРОЕКТ ПОЛОЖЕНИЯ О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СКЛАДАХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Актуальность темы объясняется тем, что аграрный вопрос стоит очень остро в наши дни. Земельный кодекс и закон об обороте земель хозяйственного назначения ломают основы собственности на землю, провозглашая приоритет частной собственности. Развитие агропромышленного комплекса является одним из основных национальных проектов. В связи с этим знание аграрной истории дореволюционной России представляется особо важным. В связи с возросшими миграциями в постсоветской России является значимым изучение колонизации окраин Российской империи в конце XIX – начале XX вв.